

ЧЁРНЫЙ ИЛИ ЗЕЛЁНЫЙ

В деревне Логово – церковь рубленая, жёлтые толстые брёвна, стоит на месте старой каменной, снесённой в шестидесятые, прямо на берегу огромного озера.

Два шага – и камыши, в камышах рыбацкие тропки, лодочки ждут хозяев, толкаются, подталкивают друг друга, как будто подзадоривают, какая первой уйдёт в озеро.

На церковном дворе много цветов, детская площадка с качелями и песочницей, в глубине двора – старые липы и дом батюшки с полукруглым чердачным окном. Сейчас там, под липами, визжит пила и стучат молотки, батюшка и два доброхота из местных мастерят большой стол. На днях обещал быть владыка со свитой, надо всех усадить.

К церковным воротам подруливает «Рено» типа «Сандеро» калужской сборки. Во двор, в цветы, липы и визг пилы входят двое – рослый дядька в бандане и мелкая тётя в панамке. Обоим крепко за пятьдесят. Дядька орёл, красавец – нагловатые светлые глаза, шрам на щеке, кривой перебитый нос... В тётеньке есть что-то мартышачье – грустный взгляд, носик бананчиком и зубки вперёд.

Они отрывают батюшку от трудов.

– Нам бы обвенчаться.

– Похвальное намерение, – батюшка улыбается.

В этом молодом священнике прекрасно всё – каштановые волосы, чистая белая кожа, янтарные глаза, рыжая борода, тельняшка, татуировка «ДМБ 2002» на крепком предплечье.

– Люблю венчать, – признаётся он.

Ему уже мерещится застолье, уж всяко повеселее, чем с владыкой, хорошее угощение (номерок на машине столичный, батюшка всё приметил), приятные разговоры с культурными людьми и пакет гостинцев, передаваемый новобрачными батюшке на прощанье.

– Ну что, когда? Давайте в следующую субботу? Сперва приходите на исповедь, а после службы проведу с вами беседу для вступающих в христианский брак, так поло-

жено, и в добрый час. Свидетельство из загса не забудьте прихватить. Или копию.

Бандана и панамка переглядываются.

– Нема, – разводит руками бандана.

– Утрачено? Надо восстановить. Этот документ должен быть в вашем семейном архиве. Постарайтесь побыстрее восстановить, и всё сделаем.

– Отродясь у нас такой бумаги не было, – признаётся дядька.

– Проблема, – говорит батюшка. – Сейчас с этим строго. Без загса – никак.

Бандана и панамка приуныли.

– Вы давно вместе?

– Ой... – дядька махнул рукой, дескать, вечность.

– Детишек сколько? – деловито спросил батюшка.

Панамка захихкала, а дядька удивился:

– Откуда?

– Я вас не понимаю, – нахмурился батюшка.

– Маня, иди погуляй, – велел дядька.

Она уселась на детские качели, расклевывалась и смотрела, как рыбаки возятся в лодках.

Дядька между тем заговорил тихо, сбивчиво и эмоционально.

– Они в сталинке жили, а мы через двор, в бараке. Уж не помню, почему у них в гостях оказался. В первом классе дело было. У неё папа инженер-конструктор, мама библиотечка... Дома чисто, тихо... А у меня батя грузчик в угловом, калдырь, гонял нас почём зря... Социальная, короче, пропасть. Бездна! И вот родители её, они меня с первого класса, как родного. И обедом накормят, и уроки проверят. Михал Абрамыч, Бела Лазаревна... Если при мне кто против жидов что вякнет, я сразу – в торец. Благодарен потому что. Человеком только через их доброту и стал. Это ж Бела Лазаревна первая заметила, что я с деревяшками возиться люблю. Спрофориентировала в ПТУ краснодеревщиков. И работа по душе, и всегда при дензнаках. Кстати, если что, – я из икейской табуретки стульчик времён Александра Третьего скомстролю, комар носа не подточит, это как два пальца.... Дурим лохов богатых, конечно, грешные... Вот, значит.

Ну, так и дружим. От шпаны её защищал. Как брат. И она – как сестрёнка.

Батюшка терпеливо слушает.

Панамка тем временем безмятежно качается на детских качелях и перекликается с рыбаками:

– Дядь Петь! А линь в этом году хорошо идёт? А язь? А лещ? Идёт лещ? А Эсокс Луциус? А Сардиниус Эрострофталамус?

– Вы меня запутали, – говорит батюшка. – Брат, сестрёнка... Венчание... Не пойму... Вы семья или нет? Вы женаты?

– Я? А то! Много раз, и всё удачно. У трудового народа как положено – пришёл с армии, женись, а то, может, у тебя дефект какой... Я на Раюхе с третьего подъезда женился, у нас Катюха с Андрюхой... Потом Ольгуня была, там Настёна у меня... Красавица... Жеральдина ещё, с пятой подстанции, но с ней так жил, без расписки, чтобы паспорт не марать...

– Но я правильно понимаю, что сейчас вы состоите в гражданском браке с... (кивает в сторону качелей)

– Нет, мы не состоим. Мы по жизни дружим. Её тоже помотало, пообжигалась девчонка, и по Америкам с Израилями жила, и то и сё, а потом вернулась, на всё плюнула и тут дом купила. А что? Рыбалка, лес... Огород развели, сад от старых хозяев остался... Живи да радуйся.

– Понятно. То есть понятного как раз маловато. Эта ваша школьная подруга не является вашей фактической женой.

Дядька смеётся от души, как будто батюшка хорошо пошутил.

– Да на чём тут жениться-то? Жена, она должна быть... Как селёдка! Толстая и нежная! Чтоб слюнки текли, как глянесь. А это что? Стебелёк мой в красной косынке... Да я-то мужик здоровый, мне иной раз до того охота... Грешным делом за бока её однажды по-хозяйски взял, так она прямо взмолилась – «Володя, не будем портить отношения». Точняги ведь! Не будем портить отношения!

ПАУЗА.

Янтарные глаза батюшки становятся очень большими и сердитыми.

– Послушайте, вы Евангелие читали? Что муж и жена – единая плоть, вот это вот? Тех, кто не исполняет супружеские обязанности, от причастия положено отлучать. Вы как себе это представляете? Вот допустим, гипотетически, вы обвенчаетесь с подругой детства, с которой у вас чисто дружеские отношения, а как вы, извините за прямоту, нужду справлять будете? Бегать, что ли, по этим Раюхам с Ольгухами?

– Как-нибудь урегулируем, – бубнит дядька. – Господь управит.

– Дикость какая! У вас каша в голове. Значит, или вы будете жить как муж с женой, зарегистрируетесь в загсе, прочтёте Евангелие, после этого я вас обвенчаю, или перестаньте голову морочить.

– Нет, как муж с женой – это даже не уговаривайте. Всё под откос пойдёт через полчаса, спасибо, знаем, плавали, я трёх жён ухайдокал, а может, они меня... Раюха, Ольгуня, Жеральдина ещё с пятой подстанции... Как вспомнишь, так вздрогнешь... А тут – человеческие отношения. Доверие. Взаимопонимание. Поддержка.

Батюшка молчит, и дядька смотрит на него.

– Не греет вас дружба русского и еврейского народов, – понимает он. – Что-то не рады вы, как я погляжу.

У батюшки зашумело в голове.

– Радует! Очень радует! Вы с первого класса дружили с девочкой, её родители поддерживали вас, подростка из трудной семьи, вы пронесли эту дружбу и благодарность через всю жизнь, это прекрасно, это очень позитивно, я про вас на проповеди расскажу. Но друзей не венчают!!! Это невозможно. Это бред. Какого лешего вам с ней венчаться???

Дядька не понимает, как батюшка не понимает.

– Так помирать скоро. У неё никого, и я один как сыч. А Маргарита Ивановна с восьмого дома, дачница с Питера, говорит, кто не венчался, тот на том свете не встретится. Она врать не станет, она доктор физико-математических наук. Что ж, мне на том свете чаю будет не с кем попить.

«Маргарита Ивановна... Высокая старуха, на службу приходит в тренировочном костюме... Ну, бабка, схлопочешь ты у меня...»

Батюшка садится на скамейку.

– Почему вы так уверены, что на том свете будет чай? – устало и грустно спрашивает он, и в нагловатых светлых глазах его собеседника тоже появляются растерянность и грусть.

На том берегу озера началась дискотека, и простенькая, попсовая песенка казалась издали задумчивой и красивой...

– Вот что, – решает батюшка. – На днях нас посетит владыка, архимандрит Серафим. Будет проповедь и беседа со всеми желающими. Вопросы и ответы. Обязательно приходите и расскажите обо всех ваших проблемах... Про жён ваших... Про эту друж-

бу школьную... Уверен, что владыка посоветует вам что-нибудь хорошее.

– Он не монах часом? – настораживается дядька.

– Разумеется. Чтобы достичь такого высокого сана, надо смолоду принять постриг, – терпеливо разъяснил батюшка.

– Это монах, что ли, приедет население обучать, как мужикам с бабами жить? Интересный случай...

Батюшка встаёт. Разговор окончен.

Дядька смотрит на него.

– Отец Антоний... Может, договоримся? Тебе крышу крыть надо. У тебя таинства, благодати, а у меня дензнаки. Я не жадный. Договоримся, а?

– Буду рад видеть вас и вашу подругу детства на службе, – с достоинством отвечает батюшка.

Плещется о лодочки озёрная вода, солнце собирается спрятаться за леса на том берегу.

– Маня, валим, – командует дядька, и она спрыгивает с качелей, как воробей.

Батюшка смотрит, как удаляется, покачиваясь на колдобинах, автомобиль, и думает об этих двоих – почти что стариках, стареющих детях, одиноких, льнущих друг к другу... А может, такая вот дружба – это и есть настоящая любовь? Батюшка думает про безбожие, про наивную народную веру, про страх смерти. Он бы ещё долго так стоял, смотрел на озеро и думал про всякое...

Но к нему по тропинке спешит матушка:

– Так, Антон... Это долго будет продолжаться? Ты вообще на часы смотришь? Куда ты исчез? Вы потом полночи молотками долбачить будете? Дорогой мой, да у тебя столбняк, что ли?

– Извини, задумался, – виноватится батюшка и плетётся за ней.

Семья, ничего не попишешь. Муж да убоится жены своей.

Вечером в этих краях долго светло. Поднимается туман от озёр и полей. Засыпает земля, многострадальная, истерзанная нашествиями иноплеменных, налитая кровью солдат, великая и кроткая.

Допоздна работает лавочка, где хозяйкой жена участкового, мужики толкуют на ступеньках. Краснодеревщик выходит с покупками, ручкается со знакомыми.

– Слышь, Мань, что у магазина толкуют, – радостно говорит он, входя в избу с

четвертинкой и пряниками. – В Каменно попа прислали, храм поднимать.

– Вертолётом забросили? – удивляется Маня. – Там дорог нет.

– То-то и оно, – радуется дядька. – Дорог нет, живут полторы старухи, нищета, голяк, а у попа малых ребят полный дом. Мы ему матпомощь оформим, если наш вопрос решит аккуратно. Вот завтра прямо и подкатим.

– Как подкатим-то? Туда и вездеходом не долезешь...

– С озера подойдём! С утряка пойду, с Харитоновым про моторку договорюсь. А? Ловко придумал?

Он протягивает ей руку, она шлёпает по его широкой ладони маленькой лапкой и смотрит на него с восхищением.

Уломают попа. Будет, будет с кем на том свете чаю попить.

ВАРЕЖКИ

Держи, это тебе

У одного человека был любимый человек. Только они очень редко виделись, что, кстати, полезно для сохранения любви. А то мало ли ... Да, да, гомеопатические дозы и астрономические расстояния даже очень способствуют.

Жили эти двое в одном очень большом городе и иногда встречались на мероприятиях, так как работали на такой работе, где узок круг, а слой тонок, и все друг друга знают. Встречаясь, они быстро по-дружески расцеловывались и шли дальше жить каждый своё, но один всегда знал, что другой – его любимый человек, а другой называл одного и вслух и мысленно драгоценным человеком.

Если спросить их, с чего всё началось, то они изо всех сил станут делать вид, что напрочь не помнят морозную предновогоднюю мглу, канун праздника, толпы народу на украшенных улицах. И Любимый Человек не вспомнит, что за компанию с приятелем заскочил на минуту что-то передать в квартиру, где Драгоценный Человек праздновал наступающий новый год с друзьями, и вокруг куча общих знакомых, и все тут же стали браться, выпивать и закусывать, гомонить, а потом вдруг ЛЧ обнаружил, что они сидят с ДЧ вдвоём на кухне, тесно прильнув друг к другу и шепчутся, хотя никого нет, ни на кухне, ни в квартире, они одни и шёпотом говорят про какую-то ерунду – ЛЧ рассказывает, как в детстве играл в хоккей и отморозил ухо, а ДЧ про грибы и зем-

лянику в берёзовом лесу, а на часах уже без четверти час ночи и метро закрывается.

Тогда ЛЧ обнял ДЧ и сказал, что второго января они обязательно увидятся. И пока бежал до метро и ехал один в вагоне, чувствовал, что свитер пахнет духами ДЧ, и руки пахнут её духами, такими, каких нет больше ни у кого, и думал, что теперь со всем этим делать.

И решил, что лучше не делать ничего, потому что у него дружная семья и много пожилых родственников, которых нельзя огорчать.

А второго января у ЛЧ зазвонил мобильный, и голос, единственный в мире, тот, который хотелось целовать, пить, держать в ладонях, голос сказал с улыбкой:

– Ты у меня варежки забыл.

– Ну да, – ответил ЛЧ, чувствуя, что сердце стучит редко и очень сильно. – Вот болван. Забегу. Позвоню на днях. Завтра. В крайнем случае – послезавтра.

А если вкалывать побольше, то можно отвлечься и не так тосковать.

Менялись президенты, концепции и доктрины, фасоны, курсы валют и телефонные коды.

ЛЧ и ДЧ возмужали, растолстели и состоялись как личности.

У ЛЧ была жена, похожая на утку, и регулярно сменяемая официальная girlfriend, похожая на милого утёночка. Иногда, редко-редко, у ЛЧ случались загулы, и он мрачно бухал с каким-то ханыгами, жена и girlfriend объединялись поволноваться вместе, но через несколько дней ЛЧ возвращался домой и ел диетическую пищу, приготовленную женой – пресную, вязкую и бесцветную, как и сама жена. Тогда он думал, что вот наконец последние старенькие родственники, которых нельзя огорчать, мирно отойдут ко Господу, он разделается со своим «утятником» и наконец соединится с ДЧ. ДЧ была чем-то вроде зелёных, светящихся букв «ВЫХОД» в тёмной духоте надоевшего спектакля.

У ДЧ тоже была крепкая семья, а вместо загулов – вера православная, и иногда на литургии с ДЧ случались такие приступы молчаливых рыданий, что батюшки глядели на неё с умилением, относя эти слёзы к своему умению вести службу исключительно проникновенно.

Шли зимы и вёсны, сжигались чучела Маслениц, собирались опята, украшались ёлки...

ЛЧ и ДЧ случайно увиделись на мероприятии и изумились, как постарели. Только глаза были прежними, когда они быстро, коротко, словно боясь обжечься, взгля-

дывали друг на друга. Кстати, случайно оказавшийся в перекрестье их взглядов критик Петухаускас начисто исцелился от псориаза. Невероятно, но факт.

ДЧ спросила ЛЧ, когда он зайдёт за варежками. «Ты их хранишь, что ли?» – хотел спросить, но не смог, горло сжалось, надо было сейчас, вот прямо сейчас взять ДЧ за руку и идти, куда глаза глядят, только чтобы вместе, и гори всё огнём, все эти приличия, пересуды, тусовки, фестивали, круглые столы, дискуссии и заседания, лишь бы оставшийся кусочек жизни прожить с правильным человеком...

ЛЧ вздохнул поглубже.

– Я тебе на днях позвоню, – сказал ЛЧ. – Завтра. В крайнем случае – послезавтра.

Завтра стало худо прямо на работе, задыхался, давился болью в груди, в духоте опостылевшего спектакля, табличка «выход» погасла...

Перевели из реанимации, выписали. Выкарабкался вроде.

Весной пришло смс: «Как здоровье? Я осела в деревне, приезжай, тут хорошо, хоть поговорим не на бегу, многое надо тебе рассказать, всегда хотела разговаривать с тобой». Ответил – «Буду на первое мая, наберу с дороги».

Слой и круг были такими тонкими и узкими, что коллеги из круга и слоя предпочитали покупать деревенские дома по одной и той же трассе.

Первого мая ЛЧ набрал номер ДЧ.

– Пробки дикие, – сказал ЛЧ, глядя на небывало зелёную карту автомобильных дорог в планшете.

– На то тебе и Первомай, – неприятно усмехнулась ДЧ.

Помолчали.

Было слышно, что и у ЛЧ и у ДЧ под окнами верещат внуки.

Оба понимали, что ехать уже поздно.

– Ладно, фиг с тобой, – сказала ДЧ. – Не приезжай. Какая разница?... Если честно, я никогда не верила в твоё реальное существование. Тебя нет и не было. Ты Карлсон, понятно?

– А варежки? – хотел спросить ЛЧ насмешливо, а вышло вдруг жалобно. И это ему очень не понравилось.

– Какие ещё варежки? – с отчётливой неприязнью спросила ДЧ. – Ты что, поверил, что они у меня? Мало ли что и где ты просрал, разгильдяй. Всё, давай, Карлсон, арревидерчи. Других дел по горло.

«Сейчас узнаешь у меня Карлсона», – подумал ЛЧ, вырulingивая на пустую трассу и крича навигатору название деревни ДЧ.

И редкие автомобилисты удивлённо смотрели, как несётся на бешеной скорости, при малейшем замедлении выскакивая на встречу, зелёная «Субару» с лохматым, добела седым дедом за рулём...

Тем временем ДЧ достала бережно хранимые рукавицы и положила на них ладони, погладила, как живое. Её охватила такая печаль и нежность, что она понеслась во весь опор в направлении деревни ЛЧ.

Попутные водители, птицы и собиратели грибов и ягод видели, как по холмистым и петлистым дорогам Алаунских гор несётся «Пежо», где за рулём сумасшедшая рыжая старуха оглушительно слушает рок-музыку времён своего отрочества.

Аварию потом руководство местного ГИБДД разбирало детально. Смотрели запи-

си дорожных камер. Что-то меряли, чертили...

«Пежо» и «Субару» старались уйти друг от друга, – говорили авторитетные специалисты. – Водители делали всё, чтобы избежать лобового столкновения».

Но избежать было невозможно.

ЛЧ и ДЧ остаётся только позавидовать – они долго любили друг друга и умерли в один миг.

Родные хотели поставить памятный знак, но не смогли решить – один на двоих или два разных. Рядились-рядились, так и не поставили.

Там на старой поваленной сосне у обочины сидят местные. Летом продают личички и чернику. А ближе к зиме – варезки.